
В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАПИТАЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ В ИЗМЕНИВШЕМСЯ МИРЕ: ПАРАДОКС КОНВЕРГЕНЦИИ*

Вебер А. Б.**

Нынешнее драматическое противостояние Востока и Запада можно рассматривать как продолжение в превращенной форме борьбы в XX в. двух противоположных общественных систем – капиталистической и социалистической. В статье затрагивается проблема конвергенции элементов капитализма и социализма, парадоксальным образом получившей внешние импульсы в результате соперничества двух мировых систем, а также под влиянием вызова глобализации. Современное общество, будучи сложной системой, не может успешно развиваться, замыкаясь в какой-то одной, единообразной форме его организации. Оно нуждается в сочетании рыночных институтов, ориентированных прежде всего на частные интересы, с планированием, ориентированным на общественные интересы. Планирование – еще не социализм, а необходимое, но недостаточное его условие. Другое необходимое условие – политика, ограничивающая моральные изъяны капитализма, способствующая духовному, нравственному оздоровлению общества.

Ключевые слова: капитализм, социализм, конвергенция, частные и общие интересы, рынок, планирование, этические ценности.

CAPITALISM AND SOCIALISM IN A CHANGED WORLD: THE CONVERGENCE PARADOX

The current dramatic confrontation between East and West can be seen as a continuation in a converted form of the struggle between two opposing social systems, capitalist and socialist, in the twentieth century. The article deals with the problem of convergence of capitalist and socialist elements, paradoxically received external impulses as a result of the rivalry between the two world systems, as well as under the influence of globalization. Modern society, being a complex system, cannot develop successfully, by locking itself into some single, uniform type of organization. It needs the combination of market institutions, focused primarily on private interests, with planning, focused on the public interest. Planning is not yet

* **Для цитирования:** Вебер А. Б. Капитализм и социализм в изменившемся мире: парадокс конвергенции // Век глобализации. 2023. № 4. С. 37–54. DOI: 10.30884/vglob/2023.04.03.

For citation: Veber A. B. Capitalism and Socialism in A Changed World: The Convergence Paradox // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2023. No. 4. Pp. 37–54. DOI: 10.30884/vglob/2023.04.03 (in Russian).

** Вебер Александр Борисович – д. и. н., независимый исследователь (г. Москва). E-mail: p.v3ber@yandex.ru.

Alexander B. Veber – Dr. Hist., independent scholar (Moscow). E-mail: p.v3ber@yandex.ru.

socialism, but its necessary however insufficient condition. Another necessary condition is a policy that limits the moral flaws of capitalism, and facilitates the spiritual and moral improvement of society.

Keywords: *capitalism, socialism, convergence, private and common interests, market, planning, ethical values.*

Противоречие ведет вперед.

Г. В. Ф. Гегель

И капиталистический, и социалистический строй имеют возможности длительного развития, черпая друг у друга положительные черты...

А. Д. Сахаров

Введение

В общественном мнении капитализм и социализм воспринимаются как противоположности. Но с диалектической точки зрения противоположность не означает полную несовместимость. Соединение противоположностей при определенных условиях может быть продуктивным. Мир меняется, со временем видоизменяются и формы организации общества, а значит, и представления об этом.

В XX в. мир стал свидетелем раскола мировой цивилизации на две разные общественные системы – капиталистическую на Западе и социалистическую на Востоке. В силу сложившихся обстоятельств новая общественная система возникла в этатистской форме, под флагом строительства социализма/коммунизма. Сначала в России, потом в Китае, в ряде других стран. В России, даже когда после распада СССР новая власть взяла курс на «строительство капитализма», система общественных отношений по рыночной модели сохранила отчетливый отпечаток советской управленческой практики и социального патернализма. В Китае переход на определенном этапе к рыночной экономике произошел под руководством правящей Коммунистической партии, с ориентацией на социализм.

На Западе изменения в общественной системе происходили в ином порядке. Две мировые войны и революционные потрясения ускорили там процессы «социализации» капитализма, заставив устоявшие перед вызовом российского Октября старые власти уделить особое внимание социальным реформам, развитию публичной сферы. Объяснение этому повороту дал, как известно, Дж. М. Кейнс, показав, что либеральная доктрина «свободной конкуренции» исчерпала себя и должна уступить место политике регулируемого капитализма.

Конвергентные импульсы шли, таким образом, с разных сторон, но в одном направлении. В либеральном лагере распространение *кейнсианства* было воспринято как угроза «коллективизма». Объективная значимость социалистического императива возрастала и вследствие новых глобальных вызовов: использования биоресурсов планеты, вышедшего за пределы «несущей хозяйственной емкости» биосферы, угрозы истощения других, тоже ограниченных природных ресурсов и беспрецедентного обострения в мире борьбы за ресурсы.

Возникавшая на этой почве все более опасная международная конфронтация побудила обеспокоенных ученых и общественных деятелей обратиться к идее *конвергенции* – идее, которая отражала уже назревшие и идущие подспудно процессы. Развитию конвергентных тенденций способствовали процессы глобализации: возрастающая степень взаимосвязи государств и народов мира, постепенное преодоление их разобщенности.

В этом направлении шла и концепция *устойчивого развития* – прагматичная по форме и конвергентная по своей ценностной направленности. Ее широкое официальное признание служило подтверждением того, что современные, все более сложные общества не могут замыкаться в какой-то одной, единообразной форме, что многообразие условий, интересов, задач, целей требует сочетания и взаимодействия различных форм организации – как отдельных обществ, так и мирового сообщества в целом.

Трагизм «текущего момента» в том, что стремление Запада силовым путем обеспечить сохранение своего привычного исключительного положения в мире, ослепление химерой мировой гегемонии и связанное с этим крайнее обострение международной напряженности лишь отвлекают мировое сообщество от поиска ответов на судьбоносные вызовы XXI века, требующие взаимодействия, эффективного сотрудничества великих держав, всех государств мира.

Понимание объективной потребности в конвергенции общественных систем характерно, как представляется, для обсуждаемых ниже двух разных по своей форме, но сходных по интенционности примеров: теории *этической экономики* капитализма Петера Козловски и попытки актуализации *идеи социализма* Акселя Хоннета.

«В начале было Слово...»

Утилитаристская частнособственническая мораль явилась, по существу, одним из естественных условий экономического прогресса. Но ему сопутствовали огромные социальные, человеческие, а в дальнейшем и экологические издержки. Ответом на это стали поиски альтернативы. В данном контексте представляет интерес концепция *этической экономики*, в частности теория этической экономики немецкого философа-экономиста П. Козловски. Его главный труд «Принципы этической экономики» привлек внимание научных кругов во многих странах, но в России, где новая правящая «элита» была увлечена рыночными реформами по американскому образцу, не получил широкого отклика.

В словах явления обретают смысл. Понятие «этическая экономия» – это по своему смыслу обозначение попытки теоретически обосновать возможность преодоления моральной ущербности капитализма. Эта попытка, мотивированная не в последнюю очередь озабоченностью состоянием окружающей природной среды и конечностью земных ресурсов, заслуживает, на наш взгляд, серьезной непредвзятой оценки.

Петер Козловски и его теория этической экономики

П. Козловски (1952–2012) занимался разработкой этических проблем предпринимательской деятельности. Его взгляды складывались под влиянием религиозного мировоззрения. Приверженность христианским этическим ценностям во многом определила его представления о роли этики вообще и этики предприни-

матерльской деятельности в частности. Критически воспринимая капитализм как «двуликого Януса», который несет не только блага, но и многие беды, он поставил своей целью обосновать возможность *синтеза* классической политической экономии капитализма и этической философии.

В своей «Этике капитализма» (1982) П. Козловски определял капитализм как совокупность трех структурных признаков: «...*это частная собственность* (также по отношению к средствам производства), *максимизация дохода и пользы как цель хозяйствования и координация хозяйственной деятельности через рынки и систему цен*» [Козловски 1996: 18]. Но капитализм, отмечал он, не только экономическая, но и социальная система. Редукционистская теория капитализма как формы общества, выдающая капитализм за все общество в целом, на самом деле представляет общественную реальность в «усеченном», извращенном виде.

Сопутствующие капитализму побочные издержки, полагал Козловски, требуют, чтобы «свободные люди» придерживались моральных установок, которые *рыночная экономика сама по себе породить не может*. Расхожее и привычное для многих экономистов понятие «моральный капитализм» – это своего рода оксюморон, сочетание взаимоисключающих смыслов. Утверждение, согласно которому «экономически эффективная система – это уже хорошее или нравственное общество, а хозяйствование и есть общество в целом», – ложное умозаключение [Там же: 15]. Современное общество должно ставить во главу угла проблему ценностей, ценностных предпочтений. Эта цепочка рассуждений привела Козловски к вопросу: требует ли капитализм этики, совместим ли он вообще с этикой и может ли быть оправдан как социальная система?

Свой ответ на этот вопрос П. Козловски связывал с утверждением, что «чистого» капитализма, то есть общества, основанного *только* на частной собственности, максимизации дохода и рыночной координации, никогда и нигде не существовало. Для основных структурных признаков капитализма характерно противоречие между формой и содержанием. Сосредоточение основных средств производства в собственности или под контролем частного капитала, то есть ограниченного круга лиц, – это *власть*, это возможность использовать других людей как средство для собственного обогащения. Стремление к максимизации прибыли превращается в *алчность*, в ненасытное обогащение, ведет к утрате обычных человеческих ценностей, к отказу от более значимых общественных целей. Координация хозяйственных целей только через успех на рынке – к *субъективизму* в управлении производством, к пренебрежению сущностными жизненными целями [Там же: 66].

Все это, полагал П. Козловски, означает, что капитализм как «модель» общества обладает утопическими чертами, он сам – социальная *утопия*, идеальная теоретическая конструкция, которая позволила экономистам неоклассической школы, ссылаясь на несовершенство капитализма, утверждать, что его изъяны обусловлены внешними по отношению к «модели» факторами, а не его сущностью.

Для реального капитализма, по словам Козловски, характерны не столько его основные структурные признаки, сколько «степень их высвобождения» из теологических, культурных и прочих моральных сдержек в прошлом. Стихийный процесс становления рыночного порядка и вырвавшейся из него капиталистической системы со временем придал капитализму особое свойство: «моральную нейтра-

лизацию стремления к прибыли, становящегося респектабельной человеческой мотивацией» [Козловски 1996: 19].

От рыночного распределения ресурсов и доходов не следует ожидать справедливости, его нельзя назвать ни «нравственным», ни «безнравственным». В нем заложена объективная тенденция к избирательной аллокации ресурсов (по критерию эффективности инвестиций и платежеспособности потребителей), к поляризации богатства и бедности, к расточительному использованию ресурсов. Но выбор целей экономической деятельности – *социальная проблема*, относящаяся ко всему спектру общественных интересов. Он не должен и не может сводиться к субъективным частным интересам и предпочтениям. И не только ими определяется, так как в выборе своих предпочтений люди постоянно находятся под влиянием общественных условий.

Классическая теория капитализма, считал П. Козловски, оставила без внимания социальную обусловленность человеческой деятельности. Максимизация дохода и право распоряжения частной собственностью выглядят «как своеобразная абстракция, если они претендуют на социальную действенность *без всяких ограничений*». Они действуют в качестве мотивации «лишь при некоторых дополнительных условиях, ибо иначе «все богатство человеческих мотиваций сводится к абстракциям рациональности, а социальная обусловленность наших целенаправленных действий остается без внимания» [Козловски 1996: 65].

Налицо парадокс: рынок делает *возможной* наибольшую свободу деятельности, но ее *реализация* требует ограничения рынка! Парадокс этот отражает действительное положение вещей. Идея П. Козловски – осуществить *синтез* либеральной западной политэкономии с этической философией, расширив тем самым пространство выбора людьми своих предпочтений, – имела под собой определенные основания. Некий «зазор» между реальной действительностью капитализма и его гипотетической «совершенной» формой оставлял, казалось бы, возможность «дополнить» теоретическую «модель» капитализма этическими ценностями, адекватными требованиям времени.

Обоснованные сомнения

Исследованию такой возможности П. Козловски посвятил главный свой труд – «Принципы этической экономики». Он отталкивался здесь от констатации возрасставшего интереса к хозяйственной этике, связанного с ростом негативных побочных эффектов капиталистического хозяйствования, их все более обостренного восприятия в обществе. Что требовало, по его словам, всеобъемлющего их учета с позиции *целостной этики*, отражающей жизненные интересы общества в их совокупности.

Среди основных причин, побудивших его обратиться к этике экономической деятельности, Козловски в первую очередь называл *возросшую власть человека над природой*. Новые технические возможности воздействия на нее привели к угрожающим побочным последствиям. Второй причиной он считал лучшее понимание сущности человека, его ответственности за последствия своей деятельности, способность людей исходить в своих поступках из должного, а не из бездумного принятия сущего. И третьей – все более очевидную тенденцию к дегра-

дации духовного климата, опасность того, что современная культура может утратить свой общественный смысл (что и происходит в наше время).

В самой капиталистической системе, признавал Козловски, не существует решения, которое позволяло бы ответить на порождаемые ею социальные и экологические проблемы. Идея саморегулирующегося конкурентного рынка не дала удовлетворительного решения проблемы. Теории рыночного равновесия и «совершенной конкуренции» оказались слишком далеки от действительности капитализма. Сосредоточенность экономического анализа на потреблении и потребительских решениях как цели человеческой деятельности приняла односторонний характер. Понимание свободы как свободы потребительского выбора – крайнее упрощение.

Констатируя «несостоятельность»¹ капиталистической экономики, ее изъяны, П. Козловски считал, что исправить ситуацию можно, если включить в мотивацию экономической деятельности *нерыночные* этические критерии. Этика должна корректировать несостоятельность экономики. Но он вынужден был признать, что и этический фактор сам по себе несовершенен. И что на принятые в обществе моральные принципы нельзя полностью положиться вследствие отсутствия должного уровня доверия между участниками рыночных сделок.

Поэтому Козловски обратился к «теории игр», детально рассмотрев различные варианты поведения людей в контексте «проблемы безбилетника», то есть в ситуации, когда те, кто хотел бы действовать честно, вынуждены поступаться этим, не будучи уверенными в добросовестности своих возможных партнеров. Отсутствие или дефицит доверия ведут к понижению планки нравственных принципов. Категорический императив Канта, отрывавшего нравственные принципы от практической жизни, в реальной действительности не работает.

Значит, нужно корректировать «несостоятельность» этики. П. Козловски вынужден был апеллировать к *религиозной вере* в качестве последней инстанции. «Гарантию и веру в смысл нравственного поведения можно извлечь не из самой по себе этики, но только путем религиозного обоснования нравственности» [Козловски 1999: 45]. При этом он пояснял, что «этические правила должны быть достоверны, а религиозная уверенность в разумности этики должна быть общепринятой, и что эта религиозная вера, если она является всеобщей, действительно повышает благосостояние всех» [Там же].

Несмотря на явную нереалистичность этого условия, Козловски все же надеялся, что религия способна повысить уровень доверия в обществе, усиливая тем самым «вероятность того, что нравственная деятельность будет иметь характер всеобщего поведения» [Там же: 46]. Но признавал и то, что в действительности может реализоваться наихудшая альтернатива. «Конечно, существует опасность того, что несостоятельность этики повторится в несостоятельности религии, что и религия не сможет обеспечить индивиду смысл этической деятельности, поскольку не существует последней гарантии истинности религии» [Там же: 48].

¹ Так в издании на русском языке переведено «Versagen» (отказ). Подразумеваемый здесь английский термин «failure» в зависимости от контекста может быть переведен также как «недостаток», «неудача», «провал», «осечка», «сбой», «изъяс», «отказ в работе», «банкротство» и пр.

Оставалось надеяться на то, что гарантия выбора этического поведения все же есть – как следствие присущего людям «некоего изначального онтологического доверия» [Козловски 1999: 48]. Увы, это было довольно шатким доводом уже в то время, когда было написано, и спустя десятилетия это стало еще более очевидным. Но Козловски, тем не менее, резюмировал свой анализ на оптимистической ноте: «Этапы нашей аргументации – несостоятельность [капиталистической] экономики и/или рынка, этика, корректирующая несостоятельность экономики, религия, корректирующая несостоятельность этики, – доказывают тесную связь экономической, индивидуально-этической и религиозной ориентации деятельности. Они доказывают, что экономическая наука трансцендирует в этику, а этика – в религию» [Там же: 46].

Иллюзии и прозрения

Свою теорию этической экономии П. Козловски выдвигал в качестве альтернативы кризису капиталистической системы и одновременно – как альтернативу так называемому «реальному социализму» и марксизму, находясь под впечатлением кризиса в Восточной Европе и распада СССР. Объяснению причин, побудивших его к поискам такой альтернативы, он посвятил специальную работу «Прощание с марксизмом-ленинизмом» [Козловски 1997], где критически оценивал идеологию «советского марксизма», отождествив ее с подлинным учением Маркса, а идею социализма – с *этатистским* социализмом, с управляемой из одного центра плановой экономикой.

Его собственная методологическая позиция была весьма эклектичной. Он исходил из христианских ценностей, принципов кантианства, герменевтики, деонтологии (теорий морали), персонализма – течения в западной философии, возводившего личность в ранг главной движущей силы общественного развития). С увлечением персонализмом связано преувеличенное идеалистическое представление Козловски об изначальных присущих человеку таких личных качествах, как доверие к другим, нравственное поведение, добродетель. А отсюда – недооценка влияния общественной среды, внешних обстоятельств на поведение людей, завышенная оценка способности большинства из них «преодолевать» зависимость от системных условий.

Такая направленность теории этической экономии предопределила шаткость ее оснований, непоследовательность и противоречивость аргументации, уязвимость для критики. Пытаясь доказать возможность дополнить мотивы частного интереса *внерыночными* этическими принципами, П. Козловски столкнулся с трудностями, которые невозможно полностью преодолеть. Ведь этика тоже несовершенна, отступления от нее в реальной жизни неизбежны. Ожидать, что она способна в полной мере стать гарантией «исправления» капиталистической экономики, не приходится. Поэтому и оставалось надеяться на *религиозную веру*. На то, что именно она позволит корректировать несовершенство мирской этики.

Но и религиозная мотивация в ее практическом жизненном преломлении тоже несовершенна. Люди в своем поведении вынуждены больше считаться с обстоятельствами, чем с моральными принципами. Попытку доказать возможность такой модели экономики, которая не затрагивала бы сущностные свойства капитализма и вместе с тем вменяла бы субъектам предпринимательской деятельности

приверженность интересам общественного целого, *общему благу*, с точки зрения нормальной логики трудно воспринять иначе, как противоречие в понятиях. Связать предпринимателей моральным обязательством действовать в общих интересах невозможно, это несовместимо с природой частного бизнеса.

Вместе с тем вопрос о роли последнего в решении общественных задач сам по себе, безусловно, важен. Необходимость ограничения стихийности рыночной экономики, внесения в общественное развитие элементов целенаправленного социального контроля давно стала очевидной. В странах более высокого уровня развития это в разных формах вошло в арсенал публичной политики. В социально-экономической сфере это правовое регулирование рынка рабочей силы, условий труда, социальное страхование, защита прав потребителей и пр. В экологической – законодательное регулирование природопользования. П. Козловски верно оценил связанные с возрастанием воздействия человека на природу и с ограниченностью земных природных ресурсов опасные тенденции, которые спустя десятилетия достигли нынешних, угрожающих самому существованию человечества масштабов.

В «Принципах этической экономики» проблематике «человек – природа» Козловски уделил, правда, всего несколько страниц, но высказал ряд важных суждений. Он отметил, что «обмен с природой» как один из главных аспектов обеспечения жизненных интересов людей «становится все более важным в связи с растущей угрозой природной среде». Поэтому защита природы должна быть включена в экономический расчет, в ценовую политику, в учет внешних эффектов, которые человеческое хозяйствование производит на природу [Козловски 1999: 306].

Отсюда его вывод: справедливость по отношению к природе требует признания за ней «определенных прав». Существуют не только права человека, но и права природы, которые человек «как представитель интересов немой природы должен отстаивать против себя самого и своей тяги к экспансии». Человек, настаивал он, не должен видеть в природе только экономическое благо – сырье или другие возможности пользования. Он должен признавать в ней материальные ценностные качества, свойственные природе самой по себе [Там же: 307].

В связи с этим П. Козловски ставил правомерный вопрос: могут ли системы принятия решений, характерные для рынка и демократии, гарантировать «права» природы? Отвечая на него отрицательно, он вновь апеллировал... к принципу справедливости! Таким образом, решение поставленной проблемы переносилось в сферу персоналистской этики как обязанность разумно мыслящего человека, его свободного выбора. Принцип справедливости в отношении природы вменялся субъектам экономической деятельности как должное с моральной точки зрения. И одновременно – как требование рассматривать «сбережение среды в качестве реального дохода, а нанесенный ей ущерб как реальные издержки», а не как иррелевантную величину, «что подразумевала классическая политическая экономия» [Там же: 308].

Хотя Козловски не избежал здесь того морализирования, которого обещал избежать, направленность его рассуждений отвечала общественной потребности. Стоит процитировать конечный вывод, в котором он резюмировал свой анализ капитализма. «Теория капитализма как социальная теория *материально недо-*

определена и неполна. Ее необходимо дополнить широкой социально-философской теорией, касающейся как раз тех рамок, в которых капитализм может продемонстрировать свои преимущества как способа координации, а именно: теорией социального генезиса и нормативного обоснования формирования предпочтений (социальная психология и этика), теорией социальных институтов, образующих эти рамки (семья, фирмы, промежуточные объединения, церковь, государство), и теорией политической коррекции «недостатков капитализма» (недостатки рынка, границы субъективизма, учет существенных жизненных интересов)» [Козловски 1996: 65].

Говоря о теории этического капитализма, П. Козловски фактически указывал на существенные проблемы социально-экономического и политического устройства общества. Российский философ В. Г. Арсланов назвал бы его теорию «ложным синтезом» [Арсланов 2009: 234 и сл.]. Но за этим проступали и черты другого, подлинного синтеза – элементов капитализма и социализма.

Что такое социализм в наше время?

Теория, мой друг, суха,
Но зеленеет жизни древо.

И. В. Ф. Гете

Парадокс общественного сознания

В 2017 г. в Германии была опубликована книга Акселя Хоннета «Идея социализма. Попытка актуализации» [Хоннет 2020]. Автор – философ, представитель третьего поколения деятелей Франкфуртской школы, к которой принадлежали такие известные ученые левых взглядов, как Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер, Юрген Хабермас, Ульрих Бек.

Работа Хоннета обратила на себя внимание непривычной для нашего времени постановкой вопроса: почему в Западной Европе социалистическое движение, целое столетие в прошлом сопутствовавшее развитию капитализма, теперь утратило влияние в массах? И как объяснить парадокс общественного сознания: утрату привлекательности идеи социализма на фоне разочарования в капитализме?

Хоннет не согласен с теми, кто считает, что социализм уже не возродится. Он поставил своей задачей доказать, что в социализме еще скрыта живая искра. Надо только высвободить его ведущую идею из прежнего индустриалистского мышления и поставить ее в новые теоретические рамки.

На западных обществах, по словам Хоннета, лежит труднообъяснимая печать. С одной стороны, чувство дискомфорта, недовольства социально-экономическим положением, условиями труда, социальными последствиями рыночной экономики капитализма; с другой – то, что проявления недовольства лишены всякого «направляющего смысла», какого-либо исторического следа *цели*, основанной на критическом отношении к действительности. Кажется, что утрачена наличествовавшая в прошлом, со времен Французской революции, способность людей вообразить возможность выхода за пределы существующей системы, представить себе какое-то иное общественное состояние «по ту сторону капитализма». Протестные акции указывают на то, что их участники вроде бы знают, чего они не хотят, что их возмущает, но не имеют никакого более или менее ясного представления о том, куда именно протесты должны и могли бы привести (*sollte führen können*).

Хоннет рассматривает в этой связи три предполагаемых и возможных объяснения. Первое – крах коммунистических режимов в Восточной Европе, распад Советского Союза. На это, мол, часто указывают западные интеллектуалы, делая отсюда вывод о «размывании» надежд на какое-то состояние «по ту сторону» капитализма. Но Хоннет не разделяет этого мнения. Он считает, что падение Берлинской стены вряд ли ослабило бы возмущение растущей пропастью между частным богатством и общественным благом.

Другое часто приводимое объяснение, по автору, это изменение коллективного сознания в эпоху постмодерна. Связанные с этим изменения охватили всю сферу культуры. Характерные для предшествующей эпохи модерна представления о направленном прогрессе сменились разочарованием в прогрессе, безразличием к изменению общественного устройства. Будущее стало восприниматься как простое повторение старого, уже известного. В результате утрачена возможность предвидения нового. Но и это суждение представляется Хоннету неубедительным, поскольку оно не учитывает надежд (им самим сильно завышаемых) на «всемирно» признаваемое утверждение прав человека.

И еще одно объяснение, которое А. Хоннет считает наиболее близким к действительности: состояние политической, институциональной сферы, контролируемой, понятно, «хозяевами жизни». Но, по мнению немецкого философа, «политическая материя», несмотря на объективные препятствия, доступна целенаправленным изменениям, выходящим за пределы существующего порядка. Хоннет и стремится развить этот тезис с позиции своей «теории признания» – способности индивидов признавать чувства и права других людей, а общества – заслуги каждого человека, его «общественную ценность» в контексте экзистенциальных ценностей свободы и справедливости.

Решение проблемы видится Хоннету в сфере общественного сознания, нравственных ценностей, вне зависимости от существующих социально-экономических условий. Прежний утопический социализм (он включает и марксизм) ученый критикует за сведение возможности реализации «социальной свободы» к сфере экономических отношений. В этом, по его мнению, состояла ограниченность «исторического социализма». Социал-демократический лозунг «демократического социализма» не меняет дела, поскольку за ним стоит будто бы недооценка институтов либеральной демократии, ведущая к отрицанию их самооценности.

Односторонность аргументации Хоннета бросается в глаза. Он игнорирует влияние социально-экономических условий на политическую, культурную, моральную сферу, на общественное сознание. Отрывает его от реальных *интересов* – действительной движущей силы развития капиталистического общества. Идеализирует либеральную демократию, извращаемую на каждом шагу вмешательством больших денег, особых интересов так называемой элиты и использованием средств массовой информации в качестве способа манипулирования массовым сознанием.

Роль общественного сознания, безусловно, велика. Но само по себе оно не может «произвести» трансформации общественного устройства, так как испытывает постоянное воздействие социально-экономической среды, навязывающей людям определенные стереотипы представлений и модусы поведения. Изменение

сознания предполагает и практические действия, направленные на изменения в общественном бытии.

Хоннета можно упрекнуть также в сильном преувеличении того, что он назвал «всеобщей» утратой на Западе видения всякой альтернативы в будущем. Результаты социологических опросов в западных странах свидетельствуют о том, что антикапиталистические настроения там, явные или подспудные, по-прежнему существуют. В 2016 г. британское агентство YouGov провело в трех странах опрос на тему «Капитализм или социализм?». Результаты удивили многих. В Германии о благоприятном отношении к социализму заявили 45 % респондентов, а предпочтение капитализму отдали только 26 % опрошенных. В Великобритании это соотношение оказалось не столь выразительным, но выбор в пользу социализма тоже преобладал – 36 % за и 32 % против, тогда как в пользу капитализма высказалось 33 %, а против – 39 %. Даже в США, где приверженность капитализму в массовом сознании преобладает (52 %, согласно тому же опросу), 29 % высказались в пользу социализма и 27 % – против капитализма [British...].

Аналогичный опрос в США в 2017 г. показал такой расклад: среди населения в целом выбор в пользу капитализма поддержали бы 59 %, в пользу социализма – 34 %. Но представители молодого поколения («миллениари») предпочли бы социализм (49 %) капитализму (42 %). Правда, среди них лишь треть смогли дать сколько-нибудь внятное определение социализма. То есть речь идет об интуитивном, смутном, скорее эмоциональном, чем четко осознаваемом выборе [Annual... 2017].

Когда респондентам задают вопрос в более конкретной форме – о предпочтительности той или иной *политики* в социально-экономической области, то результаты получаются не менее выразительными. Согласно опросу, проведенному в Англии в начале текущего десятилетия, более половины респондентов высказались за национализацию в отраслях, предоставляющих ряд важнейших общественных услуг, таких как национальная служба здравоохранения, энергетика, железные дороги, водоснабжение, пожарная служба и др. [Nationalisation...].

На итогах этого опроса сказались, конечно, и последствия событий в международной жизни. Но, как отмечается в комментариях, речь идет о тенденции, нарастающей на протяжении уже длительного времени. Почему же эта тенденция не трансформируется в широкое общественное движение? Один из факторов – это все же, по-видимому, укоренившееся в массовом сознании не только у нас, но и на Западе *отождествление социализма с коммунизмом*. А коммунизма – с государственным социализмом, который с подачи официальной пропаганды воспринимается как синоним полицейского режима и экономической неэффективности.

Признавая в общей форме предпочтительность социализма в сравнении с капитализмом, участники подобных опросов в то же время опасаются и не хотят «экспериментов», так как боятся, что они приведут к утрате тех прав и свобод, которыми они в той или иной мере пользуются. Это не исключает и значимости других причин утраты видения альтернативного будущего, о которых упоминает А. Хоннет. Но не умаляет и значимости влияния распада Советского Союза и так называемого «социалистического содружества» – событий, которые оставили глубокий след в массовом сознании на Западе.

Социализм и коммунизм – не синонимы

Идеи социализма и коммунизма имеют, конечно, общие корни (как, впрочем, и идеи социализма и либерализма), уходящие в далекое прошлое, а в Новое время – в эпоху Просвещения и Великой французской революции. К. Маркс и Ф. Энгельс восприняли коммунизм, получивший распространение в Западной Европе в начале XIX в., как идею, в которой виделся ответ на волновавшую их проблему эмансипации человека, преодоления эксплуатации и угнетения человека человеком, устройства общества на гуманистических началах. Переход на позиции коммунизма как самого радикального направления социалистической мысли того времени был для них естественной нравственной реакцией на отчаянное положение наемных рабочих-пролетариев в условиях промышленной революции и закономерным выводом из сложившихся у них в молодости философских воззрений.

С идеей коммунизма К. Маркс связывал возвращение человека к его сущности, к *общественному бытию*, «*подлинное разрешение противоречий между человеком и природой, между человеком и человеком*» [Маркс 1974: 116]. Обосновывая практические предпосылки *действительного движения* к коммунизму, Маркс и Энгельс исходили из того, что таковыми станет превращение большинства человечества в пролетариев, противостоящих «миру богатства», и одновременно – огромный рост производительных сил, поскольку лишь это позволило бы устранить всеобщую бедность и установить универсальное общение людей, придать коммунизму необходимый исторический масштаб [Маркс, Энгельс 1955: 33–34]. Но, по логике вещей, при этом в *действительном* движении к новому состоянию общества проявлялись бы (что впоследствии и произошло) предпосылки для «исторического компромисса» (А. Грамши) между трудом и капиталом, для распространения тред-юнионизма и реформизма в социалистическом рабочем движении.

Подтверждение этому можно найти и в выводах, к которым пришел Маркс позднее, при более конкретном исследовании капиталистического способа производства. Существующее общество, констатировал он в предисловии к первому тому «Капитала», «не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения» [Маркс 1960б: 11]. Успехи тред-юнионизма в Англии и зарождение профсоюзного движения на континенте указывали на возможность реальных сдвигов в отношениях между трудом и капиталом.

Развивая свои выводы из исследования капитализма, Маркс сделал еще одно заключение: миссия пролетариата – дать простор *элементам нового общества*, которые развиваются в недрах существующего. При этом рабочему классу «придется пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и общество, и людей» [Его же 1960а: 347]. В этой мысли присутствовало, по сути дела, предвосхищение возможности появления в странах более высокого уровня развития социально-экономической системы, сочетающей элементы социалистического уклада наряду с капиталистическим.

Постепенное распространение в странах Западной Европы гражданских прав и свобод открывало перед рабочим движением возможность создавать свои легальные организации. К разочарованию Маркса, внимательно следившего за этим процессом, возникавшие рабочие партии называли себя социалистическими, социал-демократическими или как-то иначе, но не коммунистическими. К. Маркс

и Ф. Энгельс опасались, что за этим стоит тенденция, которая отвлечет рабочее движение от борьбы за «конечную цель».

Важным новым моментом во взглядах Маркса стало различие *двух фаз* коммунистического общества. На первой фазе еще сохранялся бы «узкий горизонт» буржуазного права: распределение «по труду», а не «по потребностям». Равная мера распределения (социалистический принцип!), без учета различий индивидов и их потребностей, означала бы сохранение фактического неравенства. То есть первая фаза – это еще не полный, не зрелый коммунизм.

Маркс, таким образом, учитывая тенденции в европейском рабочем движении, стремился увести его, если воспользоваться словами В. И. Ленина, от «бесплодного спора о словах (что есть социализм и что коммунизм)...» [Ленин 1969: 98]². Однако со временем размежевание между реформистским социализмом и его революционной трактовкой становилось все более явным, что стало особенно очевидным в начале XX в., в условиях нарастающего в Европе нового революционного подъема.

Мировая война и Российская революция 1917 г. поставили социалистические силы Западной Европы перед трудной дилеммой: следовать примеру большевиков или искать свой «путь к власти». Перед той частью социалистических сил, которые оставались еще на революционных позициях, вставал вопрос: как бороться за власть в условиях, существенно отличавшихся от российских? Здесь рабочее движение было более зрелым. Массовые профсоюзы, представлявшие уже миллионы организованных членов, стали, если воспользоваться выражением К. Маркса, «экономическим фактом». А рабочие партии – и политической силой. Меняющееся понимание европейской социал-демократией своих задач обозначил не сразу понятый Эдуард Бернштейн: «Движение – все, конечная цель – ничто».

В программах еще сохранялась революционная риторика, но социалистическое рабочее движение все больше сдвигалось на реформистские позиции. Не в последнюю очередь и потому, что часть правящих кругов постепенно склонялась к политике умеренных социальных реформ. Это, наряду с наметившимся в последней трети XIX в. некоторым улучшением условий труда и повышением уровня реальной заработной платы, во многом предопределило подспудно нарастающий раскол в международном социалистическом движении.

В. И. Ленин, расценив позицию лидеров Второго интернационала в годы мировой войны как предательство, предложил переименовать партию большевиков в коммунистическую, взять за образец организации власти в России Парижскую коммуну. Он призвал к полному разрыву с западной социал-демократией, к созданию нового, Коммунистического, интернационала. Но довольно скоро пришлось признать, что «с ходу» перескочить в коммунизм невозможно. Настояв на введении нэпа, Ленин предложил *соединить свободу торговли с кооперацией*. Он пришел к выводу, что соединение частных и общих интересов при определенной

² В работе «Государство и революция», откуда взята цитата, В. И. Ленин так объяснял смысл «научного различия» между коммунизмом и социализмом. Различие в строгом смысле относится к полному, зрелому коммунизму, то есть к отдаленному будущему. А первая, низшая фаза коммунизма, каким он, как представлялось, рождается из недр капитализма, будучи еще ограничен буржуазным правом, есть то, что «принято называть социализмом» [Ленин 1970: 376].

степени подчинения первых вторым и есть социализм, и признал, что такой подход означает «коренную перемену всей нашей точки зрения на социализм» [Ленин 1970: 376]. В его заметках (март-апрель 1921 г.) появилась и такая формула: «капитализм + социализм».

После кончины В. И. Ленина довольно скоро началось постепенное свертывание нэпа. Во внутренней политике взяли верх волюнтаристские, принудительные методы «строительства социализма/коммунизма». Неотъемлемой чертой советского «марксизма-ленинизма» (по сути дела, сталинизма) стала враждебность к европейской социал-демократии (вплоть до обвинений в «социал-фашизме»). Лидеры социал-демократии отвечали обвинением большевиков в извращении социализма и отмежеванием от «советского коммунизма».

Другой социализм

Многое изменилось в мире после Маркса. Промышленные страны Запада вышли на качественно новый уровень развития производительных сил. Изменился тип экономического развития. Благодаря впечатляющим достижениям технического прогресса природные силы превратились в главный источник общественного богатства, обусловив громадный рост производительности труда. В сфере общественного производства стало преобладать производство услуг. Соответственно изменилась структура занятости. Среди работников по найму большинство теперь составляют люди умственного труда, конторские служащие (*salariat*), со свойственным этому типу работников особым психологическим складом.

Изменились условия труда большинства трудящихся. Улучшилось материальное положение, сложились довольно развитые системы пусть не вполне надежной, но все же значимой социальной защиты. Вместе с тем резко возросла степень дифференциации армии наемного труда, особенно в международном плане, что подрывает возможности действенной солидарности в противостоянии трудящихся капиталу. В этих условиях уже не приходится связывать с фабричным рабочим классом особую, уникальную роль выразителя общих интересов. Тем более что центр их тяжести сместился в сторону новых, глобальных вызовов, касающихся всех людей, независимо от социального положения.

Эти изменения в общественном бытии позволяют говорить о *размывании тех оснований, на которых строилась теория «научного коммунизма»*. Но по-прежнему сохраняется многое из того, что вызывает протест у людей, обладающих чувством социальной справедливости. Фурии частного интереса – эти «самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души» [Маркс 1960б: 10], как и прежде, отравляют общественно-политический климат буржуазного общества.

Тем не менее частные интересы, как и общие, остаются неотъемлемыми сторонами общественной жизни. Ориентация рыночных сил на частные интересы, на более состоятельные слои приводит к возрастающим издержкам. С переходом к потребительскому типу развития степень удовлетворения людей от пользования благами и услугами все больше зависит от общей потребительской деятельности, порождая ощущение дискомфорта. Возрастает значение социальных условий потребительской деятельности, роль коллективного обеспечения важных индивидуальных потребностей, защиты потребителей от злоупотреблений [Hirsch 1978].

Разлад между частными интересами и общественными потребностями указывает на *пределы рыночной эффективности*. Правы те, кто утверждает: «Рынки – хорошие слуги, но плохие хозяева». Экономические императивы побуждают к изменениям формы организации капитала, да и общества в целом, включая его «надстройку». Государству приходится брать на себя новые функции: регулирование рынка труда и трудовых отношений, социальное страхование, решение проблем, которые рынок сам не может решить или не особенно заинтересован в этом – в области народного образования, здравоохранения, водо- и энергоснабжения, развития железнодорожного транспорта, защиты окружающей среды и пр. «Невольный коллективизм» (*reluctant collectivism*), как назвали это явление на Западе, стихийно пробивается сквозь индивидуалистический строй буржуазного общества. Эту тенденцию известный американский экономист Дж. Гэлбрейт прямо называл *социалистическим императивом* [Гэлбрейт 1979: 343–356].

После Второй мировой войны немецкие социал-демократы (СДПГ) в своей Годесбергской программе (1959) сформулировали важный тезис: «*Конкуренция – насколько возможно, планирование – насколько необходимо*». Сочетание рыночной конкуренции и планирования можно понимать и как ограничение капиталистического уклада преимущественно сферой производства благ, удовлетворяющих частные интересы (средства производства, товары массового спроса, коммерческие услуги), и как планируемое, коллективное по преимуществу обеспечение общих и общественных интересов (социальное страхование, здравоохранение, народное образование, наука, культура, защита окружающей среды и пр.). *Двойственность заложена в природе вещей, и может быть не только антагонистичной или конфликтной, но и продуктивной*.

С усложнением общества сфера и значимость общих интересов объективно возрастают. Изменяются и видение будущего, характер задач, целей, в том числе и представления приверженцев социалистической идеи. Сегодня социализм – не то (или не совсем то), что вкладывалось в это понятие социалистами в прошлом. Интеллектуальный порыв к новому осмыслению социализма в годы перестройки многое прояснил, но порожденные ею надежды не оправдались.

Далеко не праздный вопрос о том, что такое социализм сегодня, остается, хотя и не на первом плане, в повестке дня. Дискуссии и споры о сущности и будущности социализма продолжаются. Одно, видимо, можно сказать определенно: *современный социализм – это не особая формация, призванная как способ производства сменить капитализм, а интегральная часть целостной системы сложного общества, отражение общих (всеобщих) интересов людей в каждой стране и в мире, в их отличии от частных интересов, которые должны соотноситься с общими интересами, с их приоритетным значением* (о системном подходе в современном понимании см.: [Розенберг 2022]).

Понятно, что планирование, даже в масштабах всего общества, еще не социализм, а его необходимое, но недостаточное условие. Определяющее значение имеет социально-этическая направленность планирования. При этом нужно, чтобы и основная масса граждан, и особенно люди во власти в своем поведении руководствовались этическими принципами более высокого порядка, чем «рыночная мораль». А это требует ориентированной на соответствующие этические ценности системы просвещения, воспитания человека-гражданина. Речь, таким обра-

зом, не о том, чтобы капитализм изменил свою природу, стал «этичным», а об этических основах общества как целостной системы, частью которой остается рыночный уклад – наряду с публичной сферой, ориентированной на более высокие моральные ценности.

К сожалению, в наше время руководство социалистических и социал-демократических партий Западной Европы отступило от ранее декларированных основных принципов и целей. Сегодня во главе этих партий не видно политиков такого калибра, как Вилли Брандт или Улоф Пальме, переживших трагедию мировой войны и вынесших из своего жизненного опыта более твердые идейные убеждения. Но при всем этом *социалистические ценности, принципы и цели – в их современном понимании – не утратили своего значения.*

Сочетание, соединение частного и общественного – одна из важнейших проблем современности. Как ни парадоксально, приведенный выше тезис Годесбергской программы перекликается с приведенными выше словами В. И. Ленина о сочетании частных интересов с общими и подчинении первых вторым. Планирование, насколько необходимо, – это и есть известная степень подчинения стихийного развития правильно понятым общим интересам.

Результат соединения разнородных форм общественного развития не определен однозначно и не обязательно ведет вперед [см.: Арсланов 2009]. Это вопрос общественного выбора. Возможное богаче реального. Выбор зависит от обстоятельств времени, от интеллектуального кругозора и политической воли тех, кто принимает решения, от способности руководителей государств мыслить глобально, выходя за горизонт повседневности, от понимания ими фундаментального значения общей судьбы человечества и своей ответственности за его будущее. И лишь будущее даст ответ на трудные, тревожные вопросы современного развития.

Литература

Арсланов В. Г. О материалистической диалектике и всемирной истории (некоторые поправки к марксистской концепции современного революционного процесса) // Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма: сб. М. : Культурная революция, 2009. С. 213–245.

Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. М. : Прогресс, 1979.

Козловски П. Этика капитализма; Эволюция и общество: Критика социобиологии. СПб. : Экономическая школа, 1996.

Козловски П. Прощание с марксизмом-ленинизмом. О логике перехода от развитого социализма к этическому и демократическому капитализму: Очерки персоналистской философии. СПб. : Экономическая школа, 1997.

Козловски П. Принципы этической экономики. СПб. : Экономическая школа, 1999.

Ленин В. И. Государство и революция / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1969. Т. 33.

Ленин В. И. О кооперации / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 45. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1970. С. 369–377.

Маркс К. Гражданская война во Франции / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 17. М. : Гос. изд-во политической лит-ры, 1960а. С. 317–367.

Маркс К. Капитал. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 23. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960б.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 42. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1974. С. 41–174.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 3. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 7–544.

Розенберг Г. С. Системный подход в глобалистике на примере современных социо-эколого-экономических систем // Век глобализации. 2022. № 4. С. 28–48.

Хоннет А. Идея социализма. Попытка актуализации. М.; Берлин : Директмедиа Паблишинг, 2020.

Annual Report on US Attitudes towards Socialism. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <victims-of-communism.org/wp-content/uploads/2017/YouGov-VOC-2017-for-Media-Release-November-2-2017-final> (дата обращения: 09.01.2018).

British People Keener on Socialism than Capitalism. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://yougov.co.uk/news/2016/02/23/> (дата обращения: 09.01.2018).

Hirsch F. Social Limits to Growth. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1978.

Nationalisation of Utilities Polls [Электронный ресурс]. URL: <https://yougov.co.uk/issue> (дата обращения: 10.09.2022).

References

Arslanov V. G. O materialisticheskoy dialektike i vseмирnoy istorii (nekotoryye popravki k marksistskoy kontseptsii sovremennogo revolyutsionnogo protsessа) // Sotsializm-21. 14 tekstov postsovetskoy shkoly kriticheskogo marksizma [Socialism-21. 14 Texts from the Post-Soviet School of Critical Marxism]: collection of articles. Moscow : Kul'turnaya revolyutsiya, 2009. Pp. 213–245.

Galbraith J. K. Ekonomicheskiye teorii i tseli obshchestva (Economics and the Public Purpose). Moscow : Progress, 1979.

Koslowski P. Etika kapitalizma. Evolyutsiya i obshchestvo: Kritika sotsiobiologii [Ethics of Capitalism and Critique of Sociobiology]. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola, 1996.

Koslowski P. Proshchaniye s marksizmom-leninizmom. O logike perekhoda ot razvitoogo sotsializma k eticheskomu i demokraticeskomu kapitalizmu [Farewell to Marxism-Leninism. On the Logic of the Transition from Developed Socialism to Ethical and Democratic Capitalism]. St. Petersburg : Ekonomicheskaya shkola, 1997.

Koslowski P. Printsipy eticheskoy ekonomii [Principles of Ethical Economy]. St. Petersburg : Ekonomicheskaya shkola, 1999.

Lenin V. I. Gosudarstvo i revolyutsiya [The State and Revolution] / V. I. Lenin // Poln. sobr. soch. [Collected Works]: in 55 vols. Vol. 33. Moscow : Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1969.

Lenin V. I. O kooperatsii [On Cooperation] / V. I. Lenin // Poln. sobr. soch. [Collected Works]: in 55 vols. Vol. 45. Moscow : Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1970. Pp. 369–377.

Marx K. Grazhdanskaya voyna vo Frantsii [The Civil War in France] / K. Marx, F. Engels // Soch. [Works]: in 50 vols. 2nd ed. Vol. 17. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1960a. Pp. 317–367.

Marx K. Kapital [Capital]. Vol. 1 / K. Marx, F. Engels // Soch. [Works]: in 50 vols. 2nd ed. Vol. 23. Moscow : Gos. izd-vo polit. lit-ry, 19606.

Marx K. Ekonomichesko-philosophskiye rukopisi 1844 goda [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844] / K. Marx, F. Engels // Soch. [Works]: in 50 vols. 2nd ed. Vol. 42. Moscow : Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1974. Pp. 41–174.

Marx K., Engels F. Nemetskaya ideologiya [The German Ideology] / K. Marx, F. Engels // Soch. [Works]: in 50 vols. 2nd ed. Vol. 3. Moscow : Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1955. Pp. 7–544.

Rozenberg G. S. Sistemnyy podkhod k globalistike na primere sovremennykh sotsio-ekologo-ekonomicheskikh system [A Systematic Approach to Global Studies Using the Example of Modern Socio-ecological-economic Systems] // Vek globalizatsii. 2022. No. 4. Pp. 28–48.

Honneth A. Ideya sotsializma. Popytka aktualizatsii [The Idea of Socialism: Towards a Renewal]. Moscow; Berlin : Direktmedia Publishing, 2020.

Annual Report on US Attitudes towards Socialism. 2017. URL: <victims-of-communism.org/wp-content/uploads/2017/YouGov-VOC-2017-for-Media-Release-November-2-2017-final> (дата обращения: 09.01.2018).

British People Keener on Socialism than Capitalism. 2016. URL: <https://yougov.co.uk/news/2016/02/23/> (дата обращения: 09.01.2018).

Hirsch F. Social Limits to Growth. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1978.

Nationalisation of Utilities Polls [Электронный ресурс]. URL: <https://yougov.co.uk/issue> (accessed: 10.09.2022).